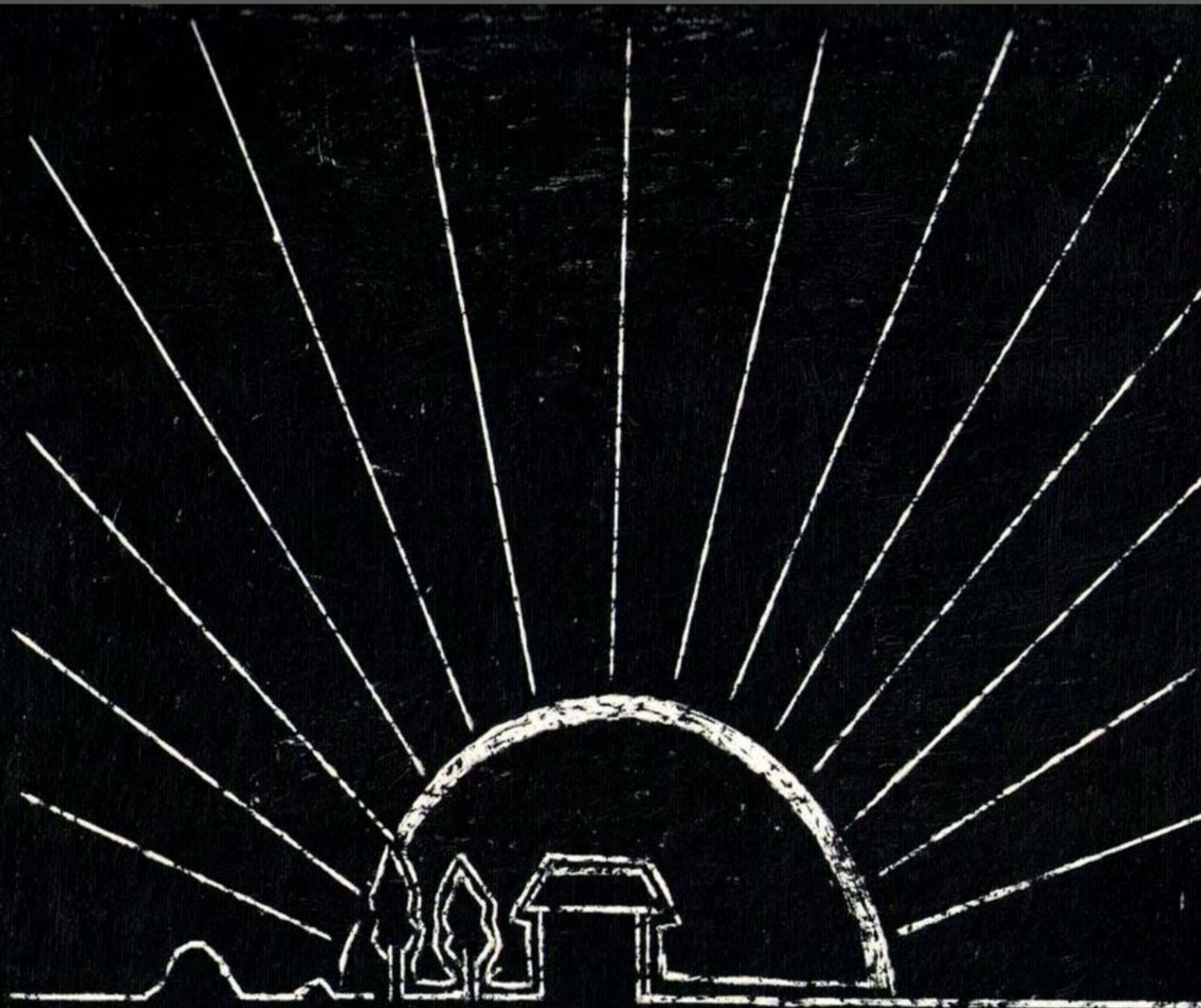

Олег Северюхин
В лабиринтах темного мира

Похождения полковника Северцева. Том 3

Олег Северюхин

**В лабиринтах темного мира.
Похождения полковника
Северцева. Том 3**

«Издательские решения»

Северюхин О. В.

В лабиринтах темного мира. Похождения полковника Северцева.
Том 3 / О. В. Северюхин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743255-3

Начало походов. В шестилетнем возрасте будущий полковник был включен в состав детской разведывательно-диверсионной группы и выполнял ответственное задание за границей. В разгар борьбы со сталинизмом проект был свернут и все дети снова стали детьми. В пограничном училище Северцев открыл способность общения с давно умершими людьми и вместе с ними побывал в нашем будущем. Во времена Андропова группа вновь была собрана, но что-то пошло не так. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-743255-3

© Северюхин О. В.
© Издательские решения

Содержание

Начало	6
Крещение	8
Лес	9
Всё в первый раз	11
Видение	12
Больница	14
В людях	16
Где-то там за Москвой	21
Новая жизнь	24
Ночь	26
Учёба	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

В лабиринтах темного мира Похождения полковника Северцева. Том 3

Олег Северюхин

© Олег Северюхин, 2023

ISBN 978-5-4474-3255-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Начало

Начало всегда следует за концом чего-то. Это сейчас начинаешь понимать, что ни в чём нет начала и конца. Всё бесконечно. Мы не знаем, с чего все началось и когда это закончится. Ни один ученый этого не знает. Мы все вылетели из чёрной дыры и улетим снова в чёрную дыру, на другой стороне которой такой же светлый мир, для которого наш мир является чёрной дырой. Мы не теряемся, мы не исчезаем, мы просто заканчиваем дела в одном мире и перелезаем в другой.

Физик Стивен Хокинг не без оснований говорит, что в чёрные дыры исчезает не только материя, но и информация. Это действительно так. Злодей, улетевший в чёрную дыру, в новом мире всплывёт благодетельной личностью, потеряв по дороге информацию о совершенном им зле. И смертельно больной человек оказывается совершенно здоровым на той стороне, потому что исчезла информация о его болезни и о его прошлой жизни, она осталась там, на той стороне чёрной дыры, а здесь он как новенький перезаписываемый диск, начинающий всё с самого начала, но уже в дееспособном возрасте.

Две параллельные прямые, например, идеально ровные железнодорожные рельсы, окрашенные золотой краской на бесконечно большом расстоянии будут восприниматься не золотыми, а чёрными, то есть они будут чёрной точкой или чёрной дырой, куда исчезает вся информация о них, и они сами, и они выходят снова стальными на той стороне чёрной дыры, потому что там отсутствует информация о том, что с этой стороны их покрасили золотой краской.

Любая чёрная точка при приближении оказывается либо ярким солнцем, либо пространством, в котором комфортно существуют молекулы и атомы всего сущего в нашем пространстве. Там они обретают новую силу и становятся новенькими, как только что выпущенные пятаки на монетной фабрике.

Мне кажется, что не зря наши предки писали в своих священных книгах о чистилище. Все мы попадаем в некое чистилище, где с нас снимается вся грязь и все отмирающие органы. Мы становимся в готовности к возвращению в какой-то иной мир для дальнейшего существования в неодушевленном виде или для активной одушевленной жизни.

Если продолжать мыслить и дальше, то мы придем к выводу, что наши молекулы и атомы стареют, изнашиваются, покрываются коррозией и теряют свои свойства, такие как атомный вес, размер орбит и скорости вращения на них. Соответствующим образом изменяются и молекулы, поэтому и периодическая таблица элементов Дмитрия Ивановича Менделеева верна только для идеального состояния атомов и не включает в себя таблицу погрешностей на возраст, среду и патологии. Мне кажется, что наличие такой таблицы было бы большим подспорьем химикам, фармацевтам и врачам.

И еще. Если бы наши атомы и молекулы оставались такими же, какие они есть в таблице Менделеева, то мы все жили бы вечно и никакие болезни нас не задевали. Сломался атом, а матушка природа быстренько его заменила исправным или поправила что-то там в электронах, нейтронах и позитронах. Но тогда этот атом стал бы совершенно другим и орган человека изменился. Тут всё по цепочке и нужно очень тонко подходить к ремонту атомов.

Но, с другой стороны, все вирусы и микробы, тоже состоят из атомов и молекул. Следовательно, для выживания человека нужна не гомеопатия, а молекулярная и атомная медицина. Что-то делается в этом направлении, но всё как-то методом научного тыка, без проблеска революционного осознания макро и микромира вокруг нас.

Самая первая клетка всего сущего по определению была благодетельная и так бы погибла в одиночестве, если бы не появилась вторая клетка, затем третья, четвертая, пятая и так далее, и у этих клеток началась борьба за выживание. Клетки стали выживать друг друга и делиться, занимая всё большее пространство и вот эта клеточная сущность присутствует во всей нашей

сущей жизни и будет присутствовать до того момента, когда на смену концу придет новое начало.

Крещение

Нет, это не праздник Крещения (крещение Иисуса Христа в реке Иордан 6 января), а крещение маленького человека. Считается, что через крещение человек становится членом Церкви. Человека окунули один или три раза в купель или облили водой, прочитав при этом молитву, и вот он – новый член Церкви. У мусульман и иудеев, кроме чтения молитв, еще обрезают крайнюю плоть. Чик ножичком по члену и как партийный билет получил, плати членские взносы и молись своему вождю, поддерживая его во всех правых и неправых делах.

У христиан обходятся без кровавой церемонии, но вместо партийного билета выдают крестик и записывают в книгу крещёных. А дальше всё так же, как и у других.

Кстати, если для всех Бог един, то почему бы всем служителям культа не обучаться в одном университете, в котором будут христианский, исламский, иудейский, буддийский и другие факультеты по конфессиям. Возможно, веротерпимость была бы основным предметом в этом университете и основой во взаимоотношениях людей, являющихся либо прихожанами, либо паствой, что вообще-то одно и то же.

Я проснулся от того, что мне в глаза били разноцветные лучи света. Было не совсем светло там, где я лежал на руках тети, закутанный в покрывало и лучи были видны из красивой картинки из стекла в потолке огромной комнаты. Вокруг стояли какие-то люди. Они то кланялись, то пели что-то непонятное протяжными голосами. Всем руководил здоровенный мужик в блестящей одежде и с дымящейся игрушкой на звякающей цепи. Мне было интересно. Я первый раз воспринимал мир не как необъятную необъятность, а как суженный мир, в котором есть другие и который освещается светом, идущим сверху.

Затем появилась девушка в белой длинной рубахе, и бородатый мужик стал окунать ее голову в круглой ванночке на одной ножке.

Затем бородатый мужик достал меня из покрывала и понес к этой же ванночке с намерением опустить меня на дно ее. Я испугался, схватил его за бороду и стал по ней карабкаться вверх, спасая свою маленькую жизнь. На помощь мужику пришла моя тетя и меня трижды погрузили в воду, а затем стали мазать чем-то масляным, поднимая вверх и показывая всем.

Я успокоился только тогда, когда вернулся в свое покрывало, которым меня укутали, лишив подвижности, Обиженный на всех, я быстро уснул и проснулся только тогда, когда стал осознанно воспринимать мир.

Лес

Лес был большой. Очень большой. Хотя, что может сказать о лесе мальчик одного года от роду, которого взяли в лес, потому что оставить было не с кем, а нужно было идти в лес по грибы. В деревнях сразу после войны не разносолы ели, а что в огороде или в лесу вырастет, или что мальчишки в реке поймают. Взрослым было не до этого, все работали в поле или на колхозных объектах, чтобы заработать палочку, на которую поздней осенью отсыплют немного муки для прокорма крестьянской семьи.

Я сидел на полянке на разостланном платке и рассматривал муравьев, которые проворно бегали по травинкам, проверяя, нет ли там чего-нибудь съестного для них. Моя тетя была неподалеку и собирала ягоды.

Внезапно и я вдалеке увидел очень крупную ягоду земляники. Я видел ее так отчетливо, что у меня образовалась во рту слюна. Я встал на свои некрепкие ноги и в первый раз в жизни пошел. Дошел до поманившей меня ягоды и шлепнулся на задницу. Это здорово, когда не нужно ползать или жестами просить, чтобы тебя отнесли туда, куда тебе нужно. Я съел ягоду и потянулся за другой. Потом за другой, потом еще за другой. Я слышал вокруг чьи-то крики, голоса, но я не мог им крикнуть, потому что не умел говорить и не понимал, как нужно отзываться.

Внезапно я увидел серую собаку, которая настороженно смотрела на меня. Я встал и подошел к ней, взял ее за ухо, стал гладить ее, а потом обнял за шею. Собака облизнула меня, а потом легла, как бы приглашая меня на спину, чтобы покатасть. Так и дед мой укладывал меня на спину Шарика и тот катал меня, а дед придерживал, чтобы я не упал. Я лег на спину собаки, а потом вцепился в её шерсть на шее. Собака поднялась и трусцой побежала в сторону от криков.

Через какое-то время собака прибежала к норе, у которой резвились три её щенка. Щенки подбежали к нам и стали играть со мной, и я стал играть с ними. Наигравшись, мы уснули на траве, и все щенки спали в моих объятиях. Проснувшись, щенки запищали, и собака стала кормить их из сосков на животе. И я подошёл к ней и стал сосать её молоко, голод не тетка, а все мы вскормленные на молоке.

Потом была ночь в норе, потом день на улице. К вечеру собака подошла ко мне, легла на землю, как бы приглашая покатасться. Я лег на её спину, и она пошла. Шли мы долго, а когда наступила ночь, собака пришла к каким-то домам. Она снова легла, и я слез с неё. Собака облизала меня и убежала. И только после этого начал лаять Шарик моего деда.

Выскачившие на улицу родственники стали кричать во весь голос, как по покойнику, хотя это были крики радости. Как же так, привезли внука на лето подкормить витаминами, а он пропал с концом и вдруг является, жив и здоров, хотя его искали всей деревней и сошлись во мнении, что его утащили волки, которые снова появились в этих краях.

Отец облазил местность вокруг дома на коленках и нашел след волчицы. Об этом он ночью говорил маме, а я почему-то не спал и слышал.

С того дня Шарик опасливо сторонился меня и не делал попыток играть со мной, но и не лаял на меня.

На следующий год осенью мы были в областном центре и ходили в заезжий зоопарк, где были волки. Я стоял у клетки, смотрел на них и мне показалось, что эту волчицу и трех молодых волчат я знаю. И они узнали меня, стали повизгивать и прыгать на прутья около меня.

Служитель в зоопарке подошел и спросил меня, не хочу ли я погладить этих собачек. Моим родителям он сказал, что это местные и недавно пойманные волки, которые совершенно не поддаются дрессировке, но почему-то они вдруг стали проявлять симпатию к вашему сыну.

– Разрешите, я подведу вашего сына к ним, возможно, это будет шаг навстречу профессии вашего сына, а волкам – путь в человеческое общество.

Моя мама была в полубморочном состоянии, а отец, ещё раньше высказывавший мнение о том, что в прошлом году меня в лесу спасла волчица, разрешил подвести меня к волкам.

У меня не было никакого страха, я тоже понимал, что это моя спасительница и это мои молочные братья.

Мою левую руку облизывала волчица, которую я тискал за ухо, а правую руку облизывали волчата, которые сильно подросли, но помнили мой запах и считали меня за своего.

Когда я уходил с родителями, они все четверо сидели и грустно смотрели, как я уходил от них, уходил навсегда, оставляя их только в своей памяти и в своей крови.

Всё в первый раз

В первый раз я дрался в три года. Рыжий сосед, хотевший досадить моему отцу, науськал на меня своего сына, рыжего пятилетнего мальчишку, который считался самым сильным во дворе:

– Иди, поддай этому выблядку. У них вся семья блядская.

Сосед был выпивши и играл на публику, которая его побаивалась, потому всю войну он провел в лагерях, а фронтовики не горели желанием связываться с уголовниками.

Сынок подошел ко мне и со всего маха стукнул меня по лицу, отчего у меня из носа пошла кровь. Я почувствовал, что во мне вскипела вся кровь, волосенки на голове встали дыбом, глаза налились кровью, я схватил пацана за волосы и вцепился зубами ему в шею, предвкушая, как я напьюсь его крови. В это время из дома выскочила моя мама и оторвала меня от рыжего, а выскочивший отец разбил табуретку доминошников о голову отца малолетнего подонка.

Весь двор сидел в тишине. На земле валялись рыжие отец и сын. Я не успел прокусить ему шею, и там был только синяк.

Через месяц рыжие переехали в другое место. Со мной опасались играть все мои сверстники, а я стал защитником всех малышей и девочек, которые так и вились около меня.

Отец распорядился не отдавать меня в детский садик.

– Этот волчонок перекусает всех или головы им пообрывает, – сказал он матери, – будешь дома сидеть с ним, и он забудет о том, что родственник волков.

Так я и не был отдан на воспитание в детский сад. Но и домашне-уличное воспитание тоже не было плохим.

Со всеми ребятами у меня были ровные отношения, а девчонки все время лезли с поцелуями. Время было такое, на каждую семью полагалось по одной комнате, в которой спала вся семья, и половое воспитание детей было ранним. Девчонки созревают быстрее лопоухих мальчишек. Это когда-то до него дойдёт, что он мужик и влечение к женщине это дело вполне естественное. А что делать, когда вместо девчонок тебя влечет к рогаткам, пистолетам-поджигам, велосипедам и самодельным самокатам из шарикоподшипников? Девчонки играют в куклы, а мы играли только в войну.

Видение

Пяти лет отроду я попал под машину. Это так говорят, попал под машину. На самом деле под машину я не попадал. Мы бежали толпой по узкому тротуару и гнали перед собой велосипедный обод без спиц, подталкивая его толстой проволокой, изогнутой крючком. В какой-то момент мы столкнулись и оттолкнулись друг от друга, при этом часть ребят полетела в кювет, а я на проезжую часть дороги и был притерт к заднему колесу не быстро едущей грузовой автомашины-трехтонки ЗИС-5.

Двойное сальто вперед было достаточно быстрым, но я хорошо видел два раза мелькнувшее безоблачное небо и наступившую крошечную темноту. И сразу наступила тишина. Затем эту тишину прорезали крики моей мамы и голоса, которые спрашивали, видел ли я машину и не специально ли водитель наехал на меня.

– Он не мог меня видеть, – спокойно говорил я, – машина уже проехала, когда я отлетел к ее заднему колесу. И водитель здесь ни при чем.

Затем снова наступила тишина, а потом подошел Он.

– Привет, – сказал Он.

– Привет, – сказал я.

– Ты чего тут разлегся? Вставай, я покажу тебе мир, – сказал Он и протянул мне руку.

Я взялся за эту руку и встал.

Его я тоже не видел. Это был какой-то силуэт в темноте и то непонятно, был ли это человек или просто его тень, потому что рука была невесомая и почти не ощущалась моей детской рукой.

– Почему вокруг темно? – спросил я.

– В темноте теплее, – сказал Он, – кроме того, в темноте всегда как в доброй сказке, никакие злые силы тебя не увидят и не обидят.

– А куда мы идём? – спрашивал я.

– Мы идем вперёд, – терпеливо говорил Он, – у нас очень мало времени и я должен очень многое показать тебе.

– А почему мы не взяли папу и маму, чтобы и они посмотрели то же самое? – спросил я.

– У твоих папы и мамы очень много дел там, – сказал Он, – они потом, когда-нибудь, сами придут сюда и все посмотрят.

Наконец, в темноте появился свет как в кино. Впереди нас был белый экран, и было цветное изображение, но лучей от кинопроектора нигде не было. Возможно, что кинопроектор стоял за экраном и нам не был виден.

– Это твоя школа, – сказал Он, – а это твоя учительница, Агния Кузьминична, женщина строгая и не всегда справедливая, но ты не обращай на это внимания, все это пройдет. Вот с этой отличницей ты будешь сидеть. У нее будут дорогие тетради с гладкой бумагой, и она будет писать красивым почерком, а у тебя будут простые дешёвые тетради с шершавой бумагой, перо всё время будет цепляться за бумагу, и ты будешь ставить кляксы на страницах. Она относится к тебе как к более низкому по положению человеку, и не будет давать списывать домашнее задание. Но и на неё не обращай внимания. Ей не повезёт по жизни. Всё сущее на земле имеет свой ответ. Хорошие дела вознаграждаются, и плохие дела тоже вознаграждаются, но только тем, что сотворил человек. Ни одно зло не остается безнаказанным. Я тебе потом расскажу, что не каждое зло является злом и не каждое добро является добром. Человек должен разбираться в том, когда зло несёт добро и когда оно нужно, а когда добро несёт зло и его лучше припрятать до поры до времени. Многие люди не понимают этого и из благих побуждений делают очень большое зло, за которое будут расплачиваться они сами и их дети.

Пойдём дальше. Вот это ты в кабинете физики, ты уже в пятом классе, у вас есть классный руководитель и вы изучаете много предметов.

А вот это твоя новая школа, у тебя другой класс и новый классный руководитель. Вы из одной комнаты переехали в новый микрорайон. У вас маленькая, но отдельная квартира.

А вот это ты на выпускных экзаменах в школе. Ты не отличник, но школу окончил неплохо и избрал себе профессию военного. Тебя направили на учебу люди, которые занимаются тайной работой и обеспечивают вашу безопасность. Все завидуют тебе.

А вот ты в военной форме и в зелёной фуражке. Ты пограничник. Твое училище находится в Средней Азии. А вот ты уже офицер и служишь на границе с загадочной страной Иран. Там пэри, девы и сказки тысячи и одной ночи. Ты уже женат и у тебя есть дочь.

А вот это ты и уже в столице вашей страны. Ты учишься в академии и изучаешь иностранные языки. Ты будешь занимать высокий пост, но генералом не станешь, потому что это тебе совершенно ни к чему. Тебя ждут невероятные приключения, и твоя жизнь будет такой, что лучше не рассказывать о ней никому, как не рассказывает о своей военной службе твой отец.

Посмотри на это здание. Это ЦК КПСС, там сидит Политбюро выживших из ума стариков, которые начинают войны и преследуют всех талантливых людей, потому что талантливые люди являются фоном, на котором властители выглядят откровенно тупыми людьми. Так было и так будет всегда. И ты наблюдай за собой. Как только покажешь себя умным и талантливым человеком, то считай, что твоя карьера закончилась. Твой начальник будет тебя гнобить до тех пор, пока не докажет всем, что ты глупый и жалкий человек. Поэтому немножко тупизны не помешает, но сам окружай себя умными и инициативными подчиненными и давай им больше прав для исполнения своих служебных обязанностей. У тебя будет больше времени для самосовершенствования и продвижения наверх.

Вот там стоит лысый старичок в украинской вышиванке. Это Хрущёв. Был активистом массовых репрессий в вашей стране, потом обошел на повороте всех сталинских любимчиков, стал премьер-министром и первым секретарем компартии. Рядом стоит генерал Брежнев, нынешний генеральный секретарь. Между ними стоят Молотов, Маленков, Ворошилов, Каганович и примкнувший к ним Шепилов. Они хотели сместить Хрущёва за то, что он руками военных расстрелял палача Берию. Но Хрущёв при помощи Жукова объегорил всех, в том числе и самого Жукова, которого сместил с поста министра обороны и отправил в отставку. Хрущёв разоблачил культ личности, в преступлениях которого принимал активное участие. А вот в сторонке стоят пожилая женщина и молодой бородатый мужик в военной форме. Это председатель компартии Испании Долорес Ибаррури и кубинский диктатор команданте Фидель Кастро. Помни их, анализируй их политику и просчитывай, что ждёт страну и тебя лично в ближайшее время.

А вот это ваша страна, а там, вдали на западе такие же страны, как и твоя. Они отличаются от всех своими церквями с высокими шпилями и башнями с крестами наверху. И вот, смотри, как рядом с ними возникают высокие башни, похожие на космические ракеты и у каждой ракеты сверху полумесяц, а люди твоей веры начинают ютиться в резервациях, изгнанные со своей родины. Вот этого ты и не должен допустить.

А сейчас пойдем домой, твои папа и мама заждались тебя.

Больница

– Проснулся маленький мой, – надо мной склонилась мама, и ее лицо было в слезах. – Как же ты всех нас напугал. Кушать хочешь?

Я кивнул головой и к моим губам поднесли ложку с теплым и невкусным бульоном. Я съел несколько ложек бульона и снова уснул.

Проснулся я солнечным утром от того, что мне в глаза било яркое солнце. Все было хорошо, только я не мог шевелиться. То есть шевелиться я мог, но моя левая нога не шевелилась. Хотя, пальцы на ноге шевелились, а нога не шевелилась. Я заглянул под одеяло и увидел толстый панцирь у меня на животе.

– Проснулся? – рядом была мама и улыбалась. – Это я у тебя гипс. Ты сломал ногу, и врачи наложили тебе гипс, чтобы ты не шевелился и нога быстрее срослась.

– А почему я не помню, как мне накладывали гипс? – спросил я.

– Ты был без сознания, – сказала мама и снова захлопала носом.

– И долго я был без сознания? – спросил я.

– Почти две недели, – сказала мама. – Сегодня тебя переводят в общую палату, в женскую, там тебе будет веселее.

– Почему это меня в женскую палату? – запротестовал я. – Я хочу в мужскую.

– Ты еще маленький, – строго сказала мама, – а там взрослые мужики, они курят, ругаются матом и пьют водку. Эта компания не для маленьких детей.

Я насутился и ничего не сказал.

В больнице я лежал два месяца. Лечили меня хорошо. Приезжал профессор из области, посмотрел рентгеновские снимки и сказал:

– Ну-с, молодой человек, нога у вас срослась хорошо. Гарантирую, что в этом месте она уже не сломается. Мне еще сказали, что вы наизусть помните всех политических деятелей, которые напечатаны в отрывном календаре за нынешний 1955 год. Не хотите ли пройти проверку на точность своих знаний и подтвердить, что ваш лечащий врач говорит правду?

Было ясно, что профессор не верил рассказам о том, что пятилетний мальчик мог помнить всех, кто руководил нашей страной в то время.

Профессор наугад открыл календарь и показал на усатого худощавого мужчину:

– Кто это?

Я как солдат на учениях отчеканил:

– Анастас Иванович Микоян, министр торговли СССР.

– А это? – и он указал на женщину.

– Долорес Ибаррури, председатель коммунистической партии Испании.

– А это? – на снимке был мужчина с пухлыми щеками.

– Маленков Георгий Максимилианович, председатель совета министров СССР.

У профессора начали подниматься брови.

– А это? – и он указал на военного с аккуратными усами.

– Климент Ефремович Ворошилов, председатель президиума Верховного Совета СССР.

– Поразительно, – сказал профессор, – а это? – и он показал на усатого человека в полуженской форме с петлицами.

– Лазарь Моисеевич Каганович, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы.

– Всё, у меня больше нет вопросов, – сказал профессор, – у вас, батенька, определённые способности ко всему. Как у него с памятью раньше было? – он обратился к моей маме.

– С памятью у него всегда было хорошо, – сказала мама, – он стихи быстро запоминает, песни, а календарь со второго раза сам называть начал, я даже сама удивилась, я и то не всех вождей знаю, а он как из пулемёта шпарит.

– Вы, мамаша, насчет того, чтобы из пулемёта по вождям, поосторожнее будьте, – и профессор посмотрел на присутствующих врачей, – мало ли что, не ровен час можно и на Кудыкину гору загреметь. А вам, молодой человек, за экзамен пятёрка. Так держать. Тренируйте память.

Я слышал, как он в сторону говорил уходящим из палаты врачам:

– Хорошая память сейчас не достоинство, а большой недостаток, многие люди хотели бы многое забыть, да вот память подводит. Хорошо, что у парня чистая память и не забита всем тем, что помним мы.

В людях

В ноябре, когда выпал первый снег, я вышел из больницы, находившейся на высоком берегу старинной русской реки. На улице было пасмурно, и я ковылял с тросточкой, отказавшись от маминой руки. Она шла сзади, готовая подхватить меня. Я же казался себе взрослым и серьезным человеком, возвращающимся домой после долгого отсутствия.

Походка после двухмесячного постельного режима выправилась скоро, тросточка стала не нужна, и я снова был пятилетним мальчуганом, который носился по улице в компании тех же пацанов, с которыми я попал под машину, а вот весной будущего года случились события, о которых я и хотел рассказать вам.

В начале осени будущего года в деревню к бабушке, где я отдыхал на природе, приехала моя мама и сказала, что меня вызывают в больницу, чтобы проверить, как срослась сломанная нога. Никаких вопросов, благо я соскучился по родителям и по городу. Говорят, что все русские скучают по родине. Всё правильно, но у одной части русских родина – это город, а у другой – деревня. И каждый скучает по своей родине.

По приезду домой мы пошли в больницу. Причем вместе со мной пошли папа и мама. Это было посередине рабочей недели, и отец для такого случая взял выходной. С чего бы это вдруг?

Осматривали меня придирчиво человек пять. Слушали, мяли, рассматривали снимки, смотрели зубы, рассматривали через увеличительное стекло глаза, измеряли давление, считали пульс после приседаний и вообще, проверяли так, как будто хотели меня послать в далекий космос к инопланетянам. А что? Пока я долечу, вырасту, стану стариком. А если послать старенького человека? Он на половине полета помрет.

Наконец, в конце дня пригласили нас в кабинет заведующего, где сидели все осматривающие нас врачи. Всё как-то секретно. А к секретности нам не привыкать. У нас в городе построили крупнейший во всей Европе химический комбинат. Порядки там военные, и секретность на таком уровне, что я только недавно и из Интернета узнал, что же такое производили на этом химическом заводе. Волосы дыбом встали. А я всё думал, почему это все мои одноклассники как-то так рано поумирали.

Я стоял между коленей отца, мама сидела рядом.

Главный врач спросил меня:

– Ты хочешь быстрее стать взрослым?

И я смогу делать всё, что делают взрослые, и буду есть столько конфет, сколько хочу, а не сколько даст мама, растягивая лакомство на возможно большее количество дней?

– Хочу, – почти крикнул я, а мама вдруг заплакала.

– Хорошо, вы годны, – сказал главный врач, – остальные инструкции получите позднее. И держите рот на замке. А ты умеешь держать рот на замке? – обратился он ко мне.

Не знаю, откуда я это знаю, но я провел ногтем большого пальца по сжатым губам, слева направо.

– Молодец, мальчик, – сказал врач и мы вышли.

Я шёл, держа за руки папу и маму, и чуть ли не подпрыгивал от радости. Но я не мог прыгать от радости, чтобы не выдать ту тайну, которую мне только что доверили.

– Ты-то чего молчал? Ты же отец, – говорила мама папе, – ты же понимаешь, что они могут с ним сделать? Ты же в СМЕРШЕ был.

– А кем я там был в СМЕРШЕ? – отвечал отец. – Ефрейтором в роте охраны. Я единственное знаю, что если мы где-то откроем рот, то нас шлёпнут, как шлепали сотни других людей, частенько ни за что и ни про что. С кем останется старший сын? Ты-то уже лагерей хлебнула. За кусок хлеба для семьи! А эти люди из судоплатовской епархии. Ничего, что комиссара Судоплатова посадили, а Берию расстреляли. Их ведомство живет и процветает. Вон, смотри,

бетонный Сталин на пригорке стоит и на нас сверху поглядывает, так и высматривает, кого бы к стенке прислонить.

– Ты чего такие страшные вещи болтаешь и еще при ребенке? – сказала мама, у которой уже просохли слезы, но лицо выглядело суровым, как будто мы шли не из больницы, а с кладбища. – Забыл что ли, как два года назад он кричал на улице: «Берия шпион». Услышал по радио, понравилось и как попугай на всю улицу. Я уж и не знаю, сколько на нас доносов написали, да видно Бог миловал, Берия действительно оказался шпионом и его ускорно расстреляли, чтобы не наболтал чего не надо, у всех правителей рыло в пуху.

Дома мать была веселая и скоро в нашей коммунальной квартире узнали, что у Андрейчика нога срослась, но нужно будет ехать в государственный санаторий для продолжения лечения. Послезавтра вот и поедет в Москву. Меня гладили по голове, приговаривая:

– Всё будет хорошо. Тебя там вылечат. И нас бы кто-нибудь вылечил, эхма...

Сразу как-то сообразили проводины всей квартирой с накрытием большого стола прямо в коридоре. Русская душа иногда бывает широкая, то последнюю рубашку с себя снимет, а то во сне ножичком по горлу полоснёт.

Гармонист Семёныч сидел в сторонке со своей тальянкой и наяривал частушки в предвкушении хорошей выпивки:

*Я мотаню размотаю,
Подниму на потолок,
Ты виси, виси, матаня,
Пока черт не уволок.*

*У матани сорок юбок,
Каждая изношена,
Сорока пяти парнями
Ты, матаня, брошена.*

*Две матани мылись в бане,
Задушевно парились,
Были обе молодые,
А теперь состарились...*

Там были ещё такие частушки про матаню, что вряд ли бумага так и останется белой, если их сюда написать.

В семь часов все и сели за стол, каждый поближе к тому угощению, которое сам поставил на стол, но так, чтобы не быть далеко от того угощения, которое есть у богатеньких. Как говорится, своего поем и чужого попробую.

Первый тост за меня, за гладкую дорогу, а потом всё пошло на самотёк, то есть все про войну, кто и где воевал, кто и где работал, да какие трудности и лишения они испытывали, а молодежь нынешняя это не ценит и ветеранов не почитает, сволочи эдакие.

После четвертой рюмки всех потянуло на лирику и все как один запели популярную в тот 1956 год песню:

*Глухой, неведомой тайгою,
Сибирской дальней стороной
Бежал бродяга с Сахалина
Звериной узкою тропой.*

*Шумит, бушует непогода,
Далёк, далёк бродяги путь.
Укрой, тайга его глухая,
Бродяга хочет отдохнуть.*

*Там, далеко за темным бором,
Оставил родину свою,
Оставил мать свою роднюю,
Детей, любимую жену.*

*«Умру, в чужой земле зароят,
Заплачет маменька моя.
Жена найдет себе другого,
А мать сыночка – никогда».*

После песни выпили еще по рюмке, и всем захотелось плясать. Семёныча с тальянкой оттащили на табурете в угол с твердым приказом: «играй, паскуда, гад, пока не удавили». А у Семёныча с этим и делов нет. Как лупанул «Барыню», только и ждал этого. Пробуди его среди ночи, и он сразу врежет:

*На рахмановском лугу
Пляшет барыня кругу.
Только по кругу пошла,
Прибежало полсела.*

*Все ты, барыня, поёшь,
А почто мне не даёшь,
У меня от пения
Лопнуло терпение.*

*Кака барыня ни будь,
Все равно её ...!
Ой, барыня, барыня,
Сударыня-барыня.*

После этой частушки допили все, что было в бутылках и стали убирать со столов, но тут вспыхнула драка из-за того, чья армия была героическая. Мой отец тоже кинулся в драку: наших бьют, но мама быстро увела его в нашу комнату и положила на кровать. И та драка быстро закончилась. Дравшиеся обнялись и сказали Семёнычу, что завтра помогут с ремонтом его тальянки, на которую кто-то нечаянно наступил.

С утра были сборы. Мне собрали чемоданчик с трусами, майками, носками. Положили туда кулечек карамелек с каким-то вареньем. В обед мы уехали на автобусе в областной центр.

Конечная остановка междугороднего автобуса находилась прямо у железнодорожного вокзала, и мы прошли в кассу.

Отцу выдали железнодорожный литер на два места в купе, словно мы министры какие-нибудь. В купейном вагоне действительно ехали какие-то министры. Все в дорогих пальто, в двубортных костюмах и широких брюках с заломами. Женщины с высокими прическами и меховыми накидками на плечах. Все курили в купе и в проходе. Все о чём-то говорили, смеялись и снисходительно поглядывали на моего отца в кепочке-шестиклинке, которую он

шил сам, и на меня в красных лыжных штанах с начёсом, чёрном пальтишке, подвязанным на шее шарфом и в цигейковой шапке с клапанами, завязанными под подбородком. Было уже холодно, а я ехал в незнакомые места с переходом осени на зиму.

Мы выехали вечером. Через час проводник принёс нам чай в тяжелых под серебро подстаканниках, на которых было изображение несущейся тройки лошадей с лихим ямщиком в кошеве и буквами КЖД.

– Служивый, где тут стаканчиком водки можно разжиться? – спросил отец проводника.

Тот оценивающе посмотрел на отца и сказал:

– Заходи ко мне через пару часов, там и сообразим. Малого как раз спать уложишь. Я дверь запру, всё равно в ваше купе посадки не будет, все места выкуплены.

Мы перекусили, чем Бог послал, вернее, что мама приготовила, и отец стал укладывать меня спать. Диваны уже были заправлены, и я с некоторой опаской лег на белоснежную простыню, отдающую каким-то особенным казённым запахом.

В моё время люди особенно не ездили, если не заставляла нужда и мало у кого были деньги, чтобы разъезжать в поездах вторым классом. В основном ездили третьим классом в плацкартных вагонах или в четвертом классе – в общих вагонах как в автобусе. Отдельно ездили большие чины в первом классе – спальных вагонах или зэки в клетках в столыпинском вагоне. В то время количество сидящих было немногим меньше несидящих, а если к ним прибавить отсиженных, репрессированных и пораженных в правах, то это будет большая часть населения нашей великой страны.

Я лежал на диване, укрытый одеялом, и смотрел в окно. Где-то вдали виднелись огоньки, которые то начинали приближаться, то промелькивали мимо вагона, то вдруг исчезали в клубах дыма от паровоза, приносившего с собой запах гари и черную пыль, которая проникала во все дырки и щели стареньких вагонов.

Не верилось, что пройдёт каких-то двадцать лет, и паровозы заменят тепловозами, а потом и электровозами, а старенький поезд сделают фирменным и назовут его «Вятка» по имени реки, на высоком берегу которой была наша маленькая больница, в которой я лечил перелом ноги и демонстрировал отменную память, открывшуюся после сотрясения мозга...

– Вставай засоня, – будил меня отец, а в окно пробивались лучи солнца и светили прямо в глаза, хотя я старался отстраниться от них. – Пошли умываться.

Умывались в служебном туалете, и пили в своём купе вкусный чай с сушками. Потом оделись и стали ждать прибытия в Москву.

Примерно через полчаса после чаепития поезд прибыл на Ярославский вокзал.

– Давай, Вася, – сказал проводник моему отцу и пожал ему руку, – и мальцу твоему удачи.

По опустевшему перрону шёл мужчина тридцати с небольшим лет и вёл за руку пацана в красных шароварах с начёсом, за которыми мама стояла почти полдня в очереди. Хотела купить синие, но остались только красные, и сколько было шума, когда я не хотел надевать их. Мне объяснили, что это настоящие гусарские штаны и их носили только офицеры, тогда я сдался и стал послушно надевать их, потому что всегда хотел стать офицером и ходить в блестящих золотых погонах с орденами на груди.

– Товарищ Северцев? – нас остановил мужчина в светлом плаще. Был он высок ростом, немного повыше моего отца, волосы светлые, зачесаны назад, гладко выбрит и из-под плаща была видна белая рубашка с синим в желтую полоску галстуком. – Покажите предписание.

Отец достал из кармана какую-то бумажку и протянул мужчине. Тот посмотрел на неё, на меня, хмыкнул, достал из внутреннего кармана авторучку с отвинчивающимся колпачком, какую-то книжку, положил на неё бумагу и что-то написал. Затем отдал бумагу отцу.

– Попрощайтесь, – сказал незнакомец.

Отец поднял меня на руки, прижал к себе, поцеловал и сказал:

– Ничего не бойся. Мы всегда будем ждать тебя. Мама с братом желают тебе удачи, – и поставил меня на землю.

Отец хотел передать мне маленький закругленный чемоданчик, который в народе назывался «балетка», но мужчина остановил отца:

– Не нужно, у него будет всё, что нужно. До свидания. Всё, что нужно, вам сообщат, – а потом повернулся ко мне и сказал просто:

– Пошли.

Я сделал несколько шагов, посмотрел на отца и пошел за мужчиной куда-то в неизвестность, понимая, что происходит что-то очень серьёзное, но не настолько опасное, что мои родители будут провожать меня как в последний путь.

Где-то там за Москвой

В конце перрона я оглянулся назад и увидел отца, который издали казался очень маленьким и совсем не таким, каким я его знал. Все мы когда-то уходим в большую жизнь. Наши родители остаются одни, вспоминая те времена, когда мы были маленькие, проказничали или радовали их какими-нибудь хорошими делами, но всё равно стремясь поскорее вылететь в вольную жизнь, не связанную никакими домашними правилами.

Я хотел помахать отцу рукой, но не стал этого делать, чтобы он не сорвался с места и не побежал ко мне, подумав, что это я зову его к себе и мне очень плохо без него. Я хотел быть взрослым и сейчас шёл в эту взрослую жизнь.

Рядом со мной шел мой начальник, потому что его я не знал, а он меня уже знал и знал, что мы приедем. Куда он меня повезёт, что будет дальше, меня не особенно волновало. Я в первый раз был в огромном городе, где много людей, которым до тебя нет совершенно никакого дела, а вот тебе интересно, чего они куда-то бегут, несут сумки и портфели, едут в потоке машин, видных с привокзальной площади.

Мы подошли к новенькой темно-синей машине. Таких машин я еще не видал. Да и вообще, сколько машин я видел? Две или три. В наших краях они были редкостью. Машина ЗИС, как у Сталина, у директора завода и машина «Победа» у главного инженера.

– Как машинка? – спросил мой провожатый и, не дожидаясь ответа, продолжил, – «Москвич-401», только что с конвейера. Таких за границей нет. Мы их обставили по всем показателям. В войне победили – раз. Всё разрушенное восстановили – два. И обгоняем их по всем показателям – три. С нами, брат, шутки плохи, – и он показал мне здоровенный кулак. – Садись на заднее сиденье, мало ли что, дураков на дорогах много, а машина моя, купил, все накопления спустил. А ты чего молчишь? У тебя что, языка нет?

Я показал ему язык и отвернулся в сторону. Мне почему-то совсем не хотелось разговаривать с этим человеком, хотя, как мне казалось, с ним придётся разговаривать и очень много разговаривать.

Мы ехали по улицам, останавливаясь на перекрестках.

– Смотри, это проспект Мира, – говорил мой сопровождающий, – какой простор, какая сила, а это выставка достижений народного хозяйства. Когда вырастешь, обязательно сходи. Увидишь, чего мы достигли и почему нас ненавидят все страны, которые не смогли достичь такого же, как и мы. У нас самая богатая страна в мире, поэтому все и тянут ручонки к нам. Ну, мы им пальчики-то и отшибем.

– А вот почему, – спросил я, – у нас самая богатая страна в мире, а мы со своей семьёй живем в тесной комнатухе, а у Ленина была своя отдельная комната, и у них в семье у каждого были свои комнаты, книги они читали в просторной гостиной, а кушали в столовой? Они тогда жили богаче, чем мы сейчас?

Мой куратор как-то вдруг задёргался, дернул какой-то рычаг, резко нажал на педаль газа, машина дернулась и заглохла.

– Запомни раз и навсегда, пацан, – жёстко сказал он, и глаза его стали колючими, – я этого не слышал. Если ещебрякнешь где такое, то твою семью могут в лагеря упрятать, а тебя, гадёныша, к стенке поставят. Мы не за граница какая-нибудь, у нас детей за здорово живёшь расстреливают. И ты не лезь в петлю. Иногда думай о том, что говоришь, понравится ли это тому, с кем ты разговариваешь. А твои слова – это вредительство. Продумай, на чью мельницу ты воду льёшь.

Он снова завёл автомашину, и мы поехали дальше, не проронив ни слова.

Скоро Москва закончилась и началась такая же местность, как и в окрестностях нашего города. Столичность жизни наблюдается только в столице, а вне её – всё одинаково.

Дорога была относительно хорошей, потому что асфальт был местами неровный, и водителю приходилось притормаживать, чтобы не влетать на полном ходу в яму. У дорожного указателя «Поскребыши» мы повернули налево и поехали по лесной дороге отменного качества. Понятно, что машины здесь ездят не так часто, как по главной трассе.

С этой дороги мы свернули направо и подъехали к воротам в бетонном заборе, уходящем вправо и влево. Слева от ворот было какое-то небольшое здание с окошечком в сторону подъезда и простой деревянной дверью. Слева от двери висела какая-то вывеска с названием, выполненная в красно-золотых тонах.

Из дверей вышел человек и проверил документы у моего сопровождающего. Всё оказалось в порядке. Нам открыли ворота, и мы въехали внутрь.

За забором ничего примечательного не было. Пятиэтажное здание квадратного типа, хозяйственные постройки и вокруг сплошной лес.

Мы зашли в большой вестибюль, и я остался стоять посередине. Маленький мальчик в красных шароварах.

Через несколько минут подошла какая-то женщина, взяла меня за руку и повела в столовую. Там мне принесли стакан молока и булочку. Булочка была очень мягкая и ароматная, я таких раньше не ел, а молоко так себе. У нас молоко было лучше.

После небольшого завтрака мы пошли куда-то по коридору и оказались в большом зале, где бегала стайка ребят моего возраста. Я был последним, плебей в красных штанах с начесом. Почему я так говорю? Потому что все дети были одеты богато по тому времени, в новеньких костюмчиках и платьицах. Всего нас было пятнадцать человек. Десять мальчиков и пять девочек.

Нас выстроили в шеренгу, и я оказался разделителем между мальчиками и девочками. Все ребята потихоньку хихикали, глядя на меня. Я и сам понимал, что выгляжу несколько глуповато в этой одежде, но другого ничего не было и забиваться в угол я не стану. Пусть завидуют, что у них нет таких штанов, как у меня.

Наконец, в зал вошли человек десять взрослых. Самым главным был мужчина с седыми усами.

– Начнём с девочек, – сказал он. – Девочки, кто из вас хочет стать такой же, как Зоя Космодемьянская? – спросил он.

Лес из пяти рук сказал, что они все «за». А что? Мы все знали героев прошедшей войны, которая закончилась всего лишь одиннадцать лет назад.

– Вера Васильевна, – обратился главный к одной из женщин, – вот ваши питомцы, распределяйте их на жильё и на довольствие. А сейчас мы спросим мальчиков, кто из вас хочет быть таким же, как Александр Матросов?

Пять человек подняли руки.

– Пётр Николаевич, это ваша группа, забирайте. А кто хочет быть таким же, как капитан Николай Гастелло? – спросил главный.

Поднялись еще четыре руки.

– Глеб Владимирович, это ваши, – сказал главный и обратился ко мне, – а ты кем хочешь быть, мальчик?

– Никем, – насуплено сказал я, – я буду самим собой и приехал сюда учиться быть взрослым.

Все засмеялись. Над кем смеетесь? Над собой смеетесь, посмотрели бы вы на себя со стороны. Сейчас еще будете говорить мне: а если бы ты вез патроны?

– Желание похвальное, – сказал главный, – но пока будешь гастелловцем. У них как раз некомплект.

Нас отвели в жилое крыло и распределили по комнатам. По два человека на одну комнату.

В комнате две кровати, два письменных стола с радиоприемниками и настольными лампами, книжный шкаф, платяной шкаф, отдельно умывальник, ванна и туалет отдельно. Мебель новая. Таких шикарных условий у меня дома не было.

Попрыгав на кроватях, мы понеслись в коридор знакомиться с другими обитателями этого здания, но в общем коридоре были встречены нашими новыми руководителями.

– Сейчас у нас организационное собрание по группам, а потом обед, – объявил начальник с седыми волосами.

Каждая группа по пять человек проводила собрание в своем классе. В каждом классе стояло по пять школьных столов и один преподавательский стол. В классе было просторно и светло, в большие окна был виден лес, простиравшийся прямо до горизонта.

Наш руководитель Глеб Владимирович сказал:

– По всей стране мы отобрали самых лучших людей. Вы станете героями и прославите нашу страну. Потом вы так же будете стоять здесь и рассказывать, что вы сделали для родины.

– А как мы будем стоять здесь, если мы все гастеллы? – посыпались вопросы.

– Тихо, – повысил голос наш наставник, – Гастелло – это образно, геройское имя, но никто из вас не будет летать на самолетах и идти с ними на таран. Вы – воины земли. Это очень секретно. Это не должен знать никто, ни ваши родители, ни ваши близкие друзья. И вы сами не должны интересоваться именами и фамилиями своих товарищей. Звать себя будете по условным именам. Ты – Котек, – и он указал пальцем на меня. Всех вас будут знать только по этим именам.

Мой сосед по комнате называется Рабич, а еще трое – Гектор, Самара и Валерьян.

Распорядок дня следующий:

1. Подъем в 7.30
2. Гимнастика в 7.45
3. Приведение себя в порядок.
4. Завтрак в 8.30
5. Начало занятий в 9.00
6. Конец занятий.
7. Обед в 13.30
8. Адмиральский час 15.00 – 16.00
9. Самоподготовка 16.00 – 18.00
10. Ужин в 19.00
11. Отбой в 22.00

Новая жизнь

Вводная лекция была короткой. Это и понятно. Детское внимание сосредотачивается на чем-то одном не более чем на десять минут. И то эти десять минут нужно вытерпеть. Но с нами работали специалисты своего дела.

Первым выступал начальник с седыми усами, Александр Васильевич.

– Товарищи, – сказал он, – с сегодняшнего дня вы можете считать себя взрослыми. Вы не дети, вы защитники нашей родины и мы будем учиться защищать её.

Не знаю, какой чертик меня дернул, вероятно, это были все-таки красные штаны, но я поднял руку и старался поднять ее выше, чтобы меня заметили. Меня и заметили.

– У тебя есть какой-то вопрос, Котек? – спросил меня начальник.

– А это правда, что с сегодняшнего дня мы можем курить, пить водку, материться и нам за это ничего не будет? – спросил я в предвкушении того, что нам можно будет делать то, что делают взрослые люди.

Все мои сотоварищи засмеялись. Они тоже хотели быть взрослыми, но то, что сказал Александр Васильевич, представлялось всем обыкновенной ересью. Похоже, что и начальник понял, что он попал впросак со своим заявлением.

По прошествии многих лет я понимаю, что государство фарисействует, призывая на войну молодых граждан, начиная с семнадцати лет, разрешает им убивать других людей, насиловать женщин противника, сжигать их дома и разрушать заводы и фабрики, топтать книги и резать произведения искусства, но запрещает им же до достижения двадцати одного года покупать спиртные напитки и табачные изделия. И поэтому, когда молодые волки, насытившиеся чужой кровью, получают отказ в баре, они выплескивают свою ненависть сначала на бармена, а потом и на само государство. Весь американский кинематограф заполнен фильмами об этом. Возьмите, например, «Рэмбо». А в Советском Союзе до этого дойдут только лет через двадцать-тридцать, потому что государственная система застряла позади при позднем зажигании, и она будет копаться в чихающем моторе, пока её не смахнет молодая поросль и не установит свои порядки в соответствии с тем времени, которое на часах истории.

– Конечно, нет, – сказал Александр Васильевич, – водка, табак и матерщина – это не признак взрослости. Это признак отсталости и необразованности. Мы будем становиться взрослыми людьми нового времени, здоровыми, культурными и воспитанными людьми. С вас будут брать пример все остальные люди. А сейчас мы слушаем, что могут сделать мальчики и девочки, такие же, как и вы.

После этого перед нами выкатили большой шкаф, задрапированный занавесками. Когда их раздвинули, мы увидели, что это настоящий кукольный театр.

– Ура, – закричали мы и захлопали в ладошки.

Я до сих пор люблю кукольный театр и считаю, что он должен быть в каждой современной школе как средство школьной информации и воспитания, ставящий сценки как из школьной жизни, так и пьесы современных авторов.

Нам показали горы и маленькую девочку, которая упала в расщелину в скале. Взрослые никак не могли добраться до девочки, а та плакала в темноте, и никто не мог ей помочь. Тогда маленький мальчик, чуть постарше этой девочки, обмотался веревкой и спустился в расщелину к девочке. Он обмотал ее веревкой и помог освободиться из каменного плена, а потом вытащили и его самого. Когда взрослые не могут сделать что-то, то это могут сделать только маленькие герои.

Мы от души аплодировали этой истории, и артисты играли так хорошо, что казалось, что это реальные люди спасают девочку.

Следующая сценка показывала, как малолетнего разведчика переодели во всё деревенское и направили под видом внука в дом старого деда, где располагался немецкий офицер, руководивший окружением партизанского отряда. Мальчику поставили задачу выкрасть план окружения отряда. И вот, улучив момент, когда офицер вышел из дома, мальчик взял ключи от сейфа и выкрал важные документы, после чего они с делом ушли к партизанам. Отряд вышел из окружения, а мальчика наградили боевым орденом.

В следующей сценке маленького мальчика спрашивают, знает ли он, где прячутся партизаны. Знаю, – говорит мальчик, – и даже отведу вас к ним. О, гут, карашо, – говорят немцы, – веди нас туда, вот тебе шоколадка за это. И мальчик повел карательный отряд в лес. В конце леса оказалось болото, но мальчик сказал, что он знает дорогу через болото и повел всех вперед. А потом немцы один за другим стали тонуть в болоте. И офицер стал кричать: ти есть Иван Сусанин, – и застрелил мальчика, а сам утонул в болоте. Вот так маленький мальчик ценой своей жизни уничтожил отряд и спас много людей.

– На сегодня достаточно, – сказал Александр Васильевич, – сейчас всем отдыхать, переодеваться и заправлять кровати. И ты, Котек, сними эти красные штаны, от них и от тебя исходит какая-то опасность.

И все дети засмеялись.

Потом нам показали, как нужно заправлять кровати и наши вещи в шкаф. У каждого был костюмчик для занятий, спортивный костюм и костюм для свободного времени. И три пары обуви для разных занятий.

Нашу одежду вечером унесли, и мы её больше не видели.

Ночь

Я лежал в постели и думал над тем, что происходило вокруг. Неправда, что маленькие дети ничего не думают и ни о чем не мыслят. Они мыслят обо всём и из всего берут самое основное – то есть то, что опасно для маленького человека, когда он находится один и защиты от родителей не предвидится.

Я понимал, что нас будут готовить для чего-то опасного и для чего-то тайного, о чем никто не должен знать, иначе бы мы проходили подготовку в обычной школе или в школе-интернате для детей, у которых родители куда-то уехали. Об интернате я слышал от более старших мальчишек, их и нас всегда пугали интернатом.

В здании была тишина, и только лунный свет присвечивал нашу комнату, делая ее похожей на морозильник, покрытый инеем, хотя в комнате было тепло.

На улице все тоже было залито лунным светом, а по территории бегали две большие собаки, как бы играя в догонялки.

Я приоткрыл дверь и выглянул в коридор. В конце коридора у лестницы сидел дежурный и читал книгу. На его маленьком столике горела лампа в розовом абажуре и освещала его книгу. Было ощущение, что из своего светового круга он ничего не сможет увидеть, но я знал, что это не так.

Я закрыл дверь и лег в свою койку. Мой сосед Рабич уже спал, а я всё не мог заснуть.

Словно наяву я увидел, как к стреляющему пулеметом ДОТу (долговременная огневая точка) подбирается с гранатой Александр Матросов, а из-за дота в сторону наших солдат крадучись двигается японский камикадзе с взрывчаткой в холщовом мешке на груди.

Как-то двоюродный брат отца, воевавший на Дальнем Востоке, рассказывал, что камикадзе выскакивали откуда-нибудь из укрытия и с криком «банзай» бросались в гущу наших войск, чтобы взорваться самому и подорвать как можно больше наших солдат.

– Стой, – кричит ему Александр Матросов, – ты куда?

– Туда, – говорит камикадзе и показывает в сторону друзей Матросова, – добегу, и мы все вместе взорвемся. А ты куда?

– А я к ДОТу, – говорит Матросов, – нужно заглушить пулемет.

– Осенно холосо, – говорит камикадзе, – давай, глуши ДОТ, а я пойду глушить ваших.

– Как это ты пойдешь глушить наших? – возмутился Матросов. – А ну иди отсюда, а не то я тебе сейчас накостилю вот этой гранатой.

– Ты? Мне? – возмутился камикадзе. – Да у тебя кишка тонка. Я знаю дзюдо и джиу-джитсу. Против меня никто не сможет устоять.

– Ах так, – сказал Александр Матросов и бросился на камикадзе.

Они дрались прямо перед дзотом, и все смотрели на них, перестав стрелять. Немцы вышли из ДОТа, а советские бойцы подошли вплотную и стали ставить ставки на то, кто победит. Немцы стояли за японца, а наши – за Матросова.

– Давай! – кричали наши

– Норр! – кричали немцы.

И тут взорвались граната Матросова и взрывчатка камикадзе. Взрыв был такой силы, что разбросал всех стоящих поблизости.

Я проснулся на коврике рядом с кроватью и увидел, что мое одеяло лежало чуть ли не посередине комнаты.

– Ничего себе был взрывчик, – подумал я и услышал голос дежурного:

– Подъём! Подъём!

Начинался наш первый рабочий день на новом месте.

Учёба

Большинство из нас не умело читать и писать, и поэтому с нами сразу стали заниматься языками. Именно языками. Русским – все. Я и Рабич – французским и фарси.

Обучали по старинной методике – со слуха, только линейкой по голове не били, но требование запоминать было угрожающим.

За три дня мы выучили три алфавита в ассоциации с предметами, именами и графическими элементами. Детская память быстрая и устойчивая.

Русский алфавит.

А а – арбуз, Б б – баран, В в – велосипед, Г г – гора, Д д – девочка, Е е – Емеля, Ё ё – ёж, Ж ж – жук, З з – заяц, И и – Испания, Й й – йог, К к – кольцо, Л л – лошадь, М м – мальчик, Н н – небо, О о – огурец, П п – палка, Р р – рак, С с – сабля, Т т – танк, У у – утка, Ф ф – фонарь, Х х – хлеб, Ц ц – церковь, Ч ч – часы, Ш ш – шар, Щ щ – щука, Ъ ъ, Ы ы, Ь ь, Э э – эскимо, Ю ю – юла, Я я – яблоко.

Французский.

А – анатоль, В – бэрт, С – сэлестэ, D – дэзирэ, Е – эмиль, F – франсуа, G – гастон, H – анри, I – ирма, J – жозэф, K – клебэр, L – луи, M – марсель, N – николя, O – оскар, P – пьер, Q – кэтал, R – рауль, S – сюзан, T – тэрэз, U – урсуль, V – виктор, W – вильям, X – ксавье, Y – ивон, Z – зоэ.

Фарси.

Алеф, бэ, пэ, те, сэ, джим, че, нэ, хэ, дал, зал, рэ, зэ, жэ, син, шин, сад, зад, та, за, эйн, ghэйн, фе, ghaф, каф, гаф, лам, мим, нун, вав, he, йе.

На четвертый день ежедневно по одному часу занятий с каждым языком. Три часа в день.

Мы очень быстро выучились писать и составлять слова, используя просмотр детских мультфильмов из изучаемых стран. Дети учили детей.

Многие занятия были построены в форме игры. Как бы то ни было, но мы были дети и всё, что присуще всем детям, нам тоже было не чуждо. Мы были группой детского сада одной из самых могущественных организаций страны, и мы чувствовали ответственности за порученное нам дело.

Интересно, что занятия по французскому языку начинают с распевок. Когда язык учат взрослые уже люди, то для распевок используют вечное «Падает снег»:

*Tombe la neige
Tu ne viendras pas ce soir
Tombe la neige
Et mon coeur s'habille de noir.*

*Падает снег
Ты не придешь сегодня вечером
Падает снег
И мое сердце одевается в черное.*

В первый раз я ее услышал в 1963 году в исполнении певца Сальваторе Адамо и удивился тому, что я понимаю слова этой песни, и мне на месте этого влюбленного пушистый белый снег кажется черным покрывалом. Почему это так получилось, вы поймете позже. А мы на своих занятиях использовали для распевок старую детскую песенку про мальчишку Пьерро:

Au clair de la lune

*Mon ami Pierrot
Prête-moi ta plume
Pour écrire un mot
Ma chandelle est morte
Je n'ai plus de feu
Ouvre-moi ta porte
Pour l'amour de Dieu*

*Au clair de la lune
Pierrot répondit :
Je n'ai pas de plume
Je suis dans mon lit
Va chez la voisine
Je crois qu'elle y est
Car dans sa cuisine
On bat le briquet*

*Dans son lit de plumes
Pierrot se rendort
Il rêve à la lune
Son coeur bat bien fort
Car toujours si bonne
Pour l'enfant tout blanc
La lune lui donne
Son croissant d'argent*

*При свете Луны,
Пьерро, друг мой,
Одолжи мне своё перо,
Чтобы кое-что написать.
Моя свеча погасла,
У меня больше нет огня.
Ради Бога,
Открой мне дверь.*

*При свете Луны
Пьерро ответил:
«У меня нет пера,
Ведь я уже лежу в постели.
Пойди к соседке,
Думаю, что она дома,
Так как в её кухне
Зажигают огонёк».*

*На своих перинах
Пьерро засыпает.
Он грезит о Луне,
Сердце его бьется очень сильно.
И, потому, что она всегда так добра*

*К невинному ребёнку,
Луна дарит ему
Свой серебряный месяц.*

Песня дурная, но именно на них дети постигают азы языка и мышления тех, кем они хотят стать.

При коммунизме дети быстро взрослеют, приучаются к чувству ответственности и соблюдению конспирации в поведении на людях и дома. На улице мы не говорим того, что у нас говорят дома, а дома мы ничего не рассказываем родителям, чем мы занимаемся на улице. Все довольны и все спокойны. Мы прекрасно понимали, что если подставим своих родителей, то в лучшем случае будем находиться в специнтернате для детей изменников родины или сиротами в детском доме. И расстреливать, и сажать их в тюрьму будут те же люди, которые нас обучают в интересах советского государства.

С утра мы собирались в актовом зале на политический час. Нам кратко рассказывали, что делается в мире и в нашей стране, читали передовицу партийной газеты «Правда», ставящей задачи перед членами партии и перед всем советским народом, то есть корректировали и выправляли отклоняющуюся генеральную линию партии.

– Товарищи, – говорили нам наставники, – очень внимательно слушайте текст передовой статьи. Это самый правильный и грамотный русский язык. Статьи пишут и готовят самые грамотные люди в нашей стране. И вообще, возьмите себе за правило каждый день начинать с чтения центральных газет. Тогда вас не собьет с толку никакой вражеский агитатор, но вы можете легко дать отпор любому иностранному провокатору и даже склонить его к сотрудничеству в пользу нашего государства. А вот за это вам будет полагаться боевой орден как за подвиг на поле боя.

Самыми упёртыми людьми бывают те, кто вкусил эту упёртость с молоком матери. Возьмём королей. Наследнику с пеленок внушают, что он гений, он хозяин мира, все перед ним поклоняются, он не должен спускать ни малейшего неповиновения и неуважения и уже к совершеннолетию получается типичный король. Тоже и с герцогами и графами, только у них есть еще внутренняя преданность королю-сюзерену. Аналогично в военных и дворянских семьях, где верность королю и служение ему почитается высшей доблестью. В тоталитарных системах, религиозных и коммуно-фашистских, превыше всего верность догме-идее и её главному носителю – генсеку-фюреру или папе-патриарху-аятолле. Вплоть до самопожертвования, истязания себя морально и физически. И вот здесь дети являются самой благодатной почвой.

Дети с самого начала формирования их сознания уже знают, что высшим счастьем на земле есть верность и жертвенность верховному божеству и что люди, не согласные с божеством, подлежат обязательному уничтожению, будь это отец, мать, брат, сестра, потому что его отцом-матерью является только фюрер-генсек. Остальные – это шелуха у подножия его трона.

Классовое самосознание – это своего рода единая религия, но разделенная на касты брахманов, кшатрий, вайшьи, шудры и мусорщиков-неприкасаемых. Причем, переход из касты в касту является временным, и всё равно брахманы опустят любого поднявшегося на их уровень ниже того уровня, где был использованный ими человек. Мещанин во дворянстве дворянином никогда не будет. Даже если он станет королем, он по сути своей все равно останется мещанином, и государство его будет мещанским, одним словом – ни то и ни сё.

Так и мы перед физической зарядкой пели хором, прочищая после сна свои легкие и клянясь в верности государству, которому стали служить с шести лет:

*Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил:
Нас вырастил Сталин – на верность народу,*

На труд и на подвиги нас вдохновил!

*Славься, Отечество наше свободное,
Счастья народов надёжный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведёт!*

Затем пробежка вокруг корпусов и первый комплекс гимнастических упражнений из наставления по физической подготовке РККА – Рабоче-крестьянской Красной армии.

Выполняется на 16 счетов.

Исходное положение – строевая стойка.

«Раз-два» – поднимаясь на носки, пальцы сжать в кулак, медленно поднять руки вперед, затем вверх, ладони внутрь, смотреть вверх, потянуться.

«Три» – опускаясь на обе ступни, с силой согнуть руки, локти прижать к туловищу, кулаки к плечам, лопатки соединить, смотреть прямо.

«Четыре» – разогнуть руки вверх, пальцы сжаты в кулак, ладони внутрь, прогнуться, смотреть вверх.

«Пять» – соединяя носки ног, присесть до отказа на обе ступни, колени вместе, ладони на бедрах, локти в стороны.

«Шесть» – встать (носки ног не разводить), поднимая руки вперед, развести их в стороны и назад до отказа (с рывком в конце движения), ладони вперед пальцы сжаты в кулак, прогнуться.

«Семь» – присесть до отказа на обе ступни, ладони на бедрах, локти в стороны.

«Восемь» – прыжком встать, ноги врозь на широкий шаг, руки на пояс.

«Девять» – разгибая левую руку и одновременно с поворотом туловища налево отвести руку в сторону и назад до отказа, ладонь вперед пальцы сжаты в кулак, смотреть на кисть левой руки (ноги не сдвигать).

«Десять» – повернуть туловище прямо, руки на пояс.

«Одиннадцать» – разгибая правую руку и одновременно с поворотом туловища налево отвести руку в сторону и назад до отказа, ладонь вперед пальцы сжаты в кулак, смотреть на кисть правой руки (ноги не сдвигать).

«Двенадцать» – повернуть туловище прямо, руки на пояс.

«Тринадцать» – резко наклониться вперед до касания пола пальцами рук, ладони назад (ноги не сгибать).

«Четырнадцать» – выпрямиться, поднимая руки вперед, отвести их в стороны и назад до отказа (с рывком в конце движения), ладони вперед пальцы сжаты в кулак.

«Пятнадцать» – резко наклониться вперед до касания пола руками, пальцы сжаты в кулак, ладони назад (ноги не сгибать).

«Шестнадцать» – прыжком строевая стойка.

Упражнение хорошо тем, что развивает память, координацию движений, разминает и укрепляет мышцы, мобилизует личность человека на командные действия.

Затем умывание, приведение себя в порядок, завтрак и занятия.

Мы уже научились просыпаться за несколько минут до подъема и лежали в постели, вспоминая, как нас будила по утрам мама и как мы, сонные говорили:

– Ну, дайте хоть раз в жизни поспать досыта.

Эх, мама-мама. При воспоминаниях у нас текли слезы из глаз, но проявление слабости было не в чести, как у мальчиков, так и у девочек.

Спуску нам не давали. Самообслуживание было жестким. Унитаз, ванну и раковину для умывания мыли сами. Перед отбоем проверка. Найдена грязь – перемыть. Никаких перчаток,

тряпка и каустическая сода. Не было никаких других моющих средств. А сода руки разъедает. Соблюдай аккуратность и убирай сразу за собой – и все будет в порядке.

Это потом я уже слушал песню суворовцев, таких же ребят, как и мы, но постарше нас, брошенных в казарменные условия:

*Здесь нас дяди чужие грубо брали за ворот,
По ночам заставляли галюны натирать,
А потом месяцами не пускали нас в город
И учили науке как людей убивать.*

Нас учили этому реально. Перед нами был враг, а к врагу не должно быть жалости. А чтобы не было жалости, человек должен быть храбрым.

Храбрость воспитывалась так. Одна часть ребят готовила тайники-закладки, и прятала их в лесу недалеко от учебного корпуса. Затем готовилась описание-схема места закладки, и по этой схеме глубокой ночью нужно было изымать вложение тайника. Причем выход был по графику, чтобы одновременно в лесу не находилось двое человек. Не делалось разницы между мальчиками и девочками. Времени всего один час. Через час выпускаются сторожевые собаки.

В лесу страшно. Записка запоминается наизусть. Еще днём выверяются стороны горизонта, визуальнo отмечается точка отсчета. Всё рядом, всё легко, но это днём, а ночью и тени становятся длиннее, и звуки громче и за каждым кустом виделся то ли зверь, то ли лихой человек.

Найдя вложение, нужно бежать к учебно-жилому корпусу, чтобы успеть до выпуска сторожевой собаки. А для этого нужно было чувствовать время.

В мой последний выход я никак не мог найти вложение. Повторил маршрут заново, скрупулезно просчитывая пар-шаги (когда число шагов считается либо по правой, либо левой ноге, шестьдесят шесть пар-шагов взрослого человека считается за сто метров, у ребенка в полтора раза меньше). Наконец, я нашел «подарок» товарища и со всех ног пустился к учебному корпусу.

До спасительных и больших стеклянных дверей оставалось не больше двадцати метров, как часы, висевшие в вестибюле, показали ровно два часа ночи. Почти прямо передо мной дверь закрылась, а охранник демонстративно повернул ключ.

Я ткнулся носом в дверь, и резко развернулся лицом в ту сторону, откуда я прибежал. На меня неслась лохматая овчарка. Мы их видели из окон, как они бегают по безлюдной территории, охраняя наш сон. Но сейчас я был нарушителем, которого собака должна покарать.

Я стоял и ждал. Ждал, как Иисус Христос на кресте, расставив руки в стороны. Я чувствовал, что со всех сторон на меня смотрят люди. Но это люди, а что со мной сделает собака?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.